

За окном разыгралась метель. Сичжао вошла в комнату и подбросила в жаровню серебряного угля, но Хэ Цинцы остановил её жестом.

— Пока меня не было, вам жилось нелегко?

Сичжао поворошила пепел, заставляя огонь разгореться ярче.

— Чжэнцзюнь... он натерпелся много обид. Если господин сходит в городские чайные или винные лавки, то поймет, что рабыня не лжет.

Хэ Цинцы с юных лет привык к людскому равнодушию и превратностям судьбы, поэтому мог примерно догадаться, какие слухи ходят снаружи, но он еще не знал, насколько ядовитыми были эти речи. Он коснулся заострившегося подбородка Шу Шиюня, думая о том, как тяжело тому далась эта беременность, да еще и при стольких унижениях, и почувствовал необъяснимую боль в сердце.

— Больше этого не повторится.

Он защищал Южные земли, рискуя собственной жизнью, и его имя гремело по всей Поднебесной, а в это время его законного супруга в Шэнцзине подвергали таким притеснениям. Нетрудно было представить, что, если бы он не вернулся с войны или погиб, этого человека до конца дней ждали бы бесконечные мучения.

Шу Шиюнь, видимо, почувствовал холод: он поерзал, придвинувшись животом ближе к Хэ Цинцы, и, крепко вцепившись пальцами в его рукав с облачным узором, что-то невнятно пробормотал во сне. Не успел Хэ Цинцы разобрать слов, как супруг нахмурился, и из уголка его глаза скатилась прозрачная слеза.

— Всё хорошо, — прошептал Хэ Цинцы, пододвинувшись ближе и поглаживая его по спине. Он коснулся губами уголка рта спящего, словно легким дуновением ветра.

Хэ Цинцы намеревался дожидаться пробуждения Шу Шиюня и отправиться с визитом ко второму вану, Хэ Жуйтину, но не успел тот открыть глаза, как Хэ Жуйтин явился сам.

Ван не раз бывал в княжеской резиденции и был очень близок с младшим братом, поэтому ему никогда не требовалось, чтобы слуги докладывали о его приходе. Не заботясь об условностях, он прямоком толкнул дверь, вошел в спальню и, усевшись за стол, залпом выпил чашку горячей воды.

Он только что вернулся из бассейна реки Хуанхэ, измученный долгой дорогой, и, едва прибыв в Шэнцзин, сразу направился к брату, даже не успев переодеться.

Слуги подали изысканные пирожные. Хэ Жуйтин схватил одно и запихнул в рот. Забыв о своей

привычной утонченности и благородстве, он проглотил угощение вместе с чаем, явно проголодавшись до крайности.

Эти сладости Хэ Цинцы приказал приготовить для Шу Шиюня, но теперь, когда тот еще даже не успел притронуться к ним, брат в мгновение ока смел всё подчистую. Взгляд Хэ Цинцы похолодел.

— Брат, ты сколько дней не ел?

Хэ Жуйтин замер, с недоверием глядя на младшего брата, и его мягкий, как весенний ветер, голос дрогнул:

— Неужели тебе жалко для меня даже какой-то выпечки?

Шу Шиюнь, опасаясь, что между братьями пробежит холодок, поспешно вмешался:

— Что вы, брат, разве можно так говорить? Цинцы просто заметил, что вы сильно похудели, поэтому и спросил, без всякого иного умысла.

Услышав такое объяснение, Хэ Жуйтин рассмеялся и кивнул:

— Вот оно что.

Хотя они с Хэ Цинцы были родными братьями, внешне они походили мало. В чертах лица Хэ Жуйтин больше напоминал нынешнего императора, нежели свою мать, но характером он пошел в Императрицу — такой же мягкий, рассудительный, спокойный и невозмутимый. Даже после долгого и изнурительного пути на его лице сияла теплая улыбка, выдававшая человека, способного сохранять самообладание, даже если небо рухнет на землю.

Двое братьев — один в черном, другой в белом; один дерзкий и суровый, другой изящный и ученый — оба обладали неземной статью. Один только взгляд на них заставлял людей замирать в восхищении, рождая в головах самые разные мысли.

— Когда я еще был на Южных землях, до меня дошли слухи, что тебя отправили усмирять Хуанхэ. Теперь, когда ты вернулся, значит ли это, что проблема наводнений полностью решена? — спросил Хэ Цинцы.

Хэ Жуйтин, жуя пирожное, невнятно ответил:

— Великая Ян страдает от разливов реки с самого основания, и за сотни лет так и не удалось найти способа полностью их обуздать. Разве это так просто?

Хэ Цинцы, глядя на то, как брат жадно поглощает еду, совсем не напоминая того человека, который всегда следил за манерами, приподнял бровь:

— Что же с тобой там приключилось?

— Два или три месяца питался чем придется, какая уж тут этикет, — покачал головой Хэ Жуйтин и усмехнулся.

Все это время он метался по берегам Хуанхэ, забывая о еде и сне. Теперь, когда перед ним лежали пирожные, даже обычный паровой хлеб казался ему деликатесом, который хотелось проглотить, не разжевывая.

<http://bllate.org/book/19189/1884667>